

DOI: 10.17805/zpu.2016.1.7

Молодежь как субъект региональных конфликтов

В. П. БАБИНЦЕВ

*(БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ),*

Г. Ф. УШАМИРСКАЯ, А. Э. УШАМИРСКИЙ

(Волжский институт экономики, педагогики и права)

В статье выделяются и анализируются характеристики современной российской молодежи как субъекта региональных конфликтов. Обосновывается, что положение молодежи на уровне субъекта РФ потенциально конфликтно, но конфликты, в которых она обычно участвует, вытеснены почти исключительно на уровень микросреды. В большинстве россий-

ских регионов характерной чертой молодежного образа жизни является сравнительно (по отношению к столице) высокая зависимость от референтного, прежде всего семейно-родственного, окружения.

На основании исследования, проведенного в Белгородской и Волгоградской областях в 2014 г. одним из соавторов статьи (осуществлено по методике многоступенчатой квотной выборки, $n = 1500$), выявлено, что для большинства молодых людей характерны относительно низкая частота участия в конфликтах с большинством референтов (постоянно в них обычно участвуют не более 12% респондентов, исключение составляют конфликты со сверстниками (10% и 36%) и особенно с родителями и родственниками (19% и 31%), стремление избегать конфликтов в ситуациях, когда непосредственно не затронуты личные жизненные потребности молодого человека (договоры предпочитают конфликту 50% молодых людей, еще 10% обычно избегают открытого противостояния).

Анализ результатов других исследований показывает, что региональная молодежь в основной своей массе не склонна к радикальным решениям. Однако она способна быть весьма последовательной и успешной в отстаивании своих интересов. В основе преобладающей стратегии молодых в конфликтах лежит ориентация на личные ресурсы, сочетающаяся со скептической оценкой возможностей внешней поддержки. Такая позиция стимулируется и дефицитом веры в то, что социальные институты на региональном уровне способны подобную поддержку оказать, а сложившиеся в субъектах РФ реальные общественные условия благоприятны для продуктивного разрешения конфликтов.

Сделан вывод, что, отказывая региональному сообществу в способности защитить «простого человека», молодые люди по-своему оправдывают преобладающую в их среде установку почти исключительно на собственные силы. А это, в свою очередь, крайне негативно сказывается на перспективах наращивания индивидуального социального капитала, который представляет собой основанный на доверии ресурс личных связей. Исследование, лежащее в основе статьи, дает основание утверждать, что в рассматриваемых регионах консолидация молодежи является проблематичной не столько вследствие дефицита объединяющих идей, сколько в силу кризиса доверия на микроуровне.

Ключевые слова: молодежь; социология молодежи; молодежь России; региональный конфликт; атомизация молодежи; социализационный процесс

ВВЕДЕНИЕ

Развитие России в последние десятилетия характеризуется крайне высоким уровнем общественной турбулентности при внешней стабильности политической ситуации. Одним из следствий сложившейся ситуации является наличие комплекса социальных конфликтов на микроуровне, которые представляют собой не только способ разрешения ситуативных жизненных проблем, но и своеобразную технологию компенсации невозможности включиться в решение вопросов макросоциального уровня, наличие которых в той или иной мере осознает мыслящее большинство, более или менее ясно представляющее, что без ответов на них невозможно добиться качественных и устойчивых изменений повседневной жизни. Понимание наличия данной дилеммы при отсутствии представлений о технологиях ее решения глубоко травмирует сознание различных групп населения, особенно тех, кто в силу объективных обстоятельств находится в маргинальном положении.

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

К числу таких групп, чьи статус и перспективы существенно зависят от специфики возникновения и разрешения ее представителями конфликтов, принадлежит молодежь, маргинальность которой определяется тем, что она находится в постоянном состоянии переходности, социализации, обретения социальных ролей. В. Т. Лисовский в свое время подчеркивал: «Молодежь — это социально-возрастная группа, находящаяся в процессе профессионального и социального становления. В за-

висимости от социальных, региональных, национальных условий возрастные границы могут значительно варьировать. Условно можно принять за нижнюю границу 15–17 лет — срок окончания средней школы, а за верхнюю — 30 лет — период окончательного включения в социально-профессиональную структуру общества» (Лисовский, 2005: 36).

Уже сам по себе социализационный процесс исключительно противоречив и во многих случаях конфликтен, поскольку, во-первых, предполагает перманентный отказ от интернализированных, ставших привычными ценностей и норм; во-вторых, для молодых людей он связан с неизбежным определением своего отношения к наследию старших поколений, что всегда оказывается непростым делом. В частности, П. И. Бабочкин еще более десяти лет назад писал, что «межпоколенческие взаимоотношения в современной российской действительности проявляются как противоречивый и динамичный процесс, неравномерно протекающий в различных сферах жизнедеятельности общества в целом и на уровне разных социальных общностей и групп» (Бабочкин, 1997: 38). Это особенно характерно для современной России, в которой произошла радикальная ломка культурно-исторической парадигмы, связанная, в том числе, и с девальвацией традиционных ценностей в глазах нового поколения. Ю. А. Зубок и Т. И. Яковук подчеркивают, что в российском обществе отчетливо проявилась «тенденция отхода поколения современной российской молодежи от таких прежде высокочтимых традиционных коллективистских ценностей, как соотнесение с поколением, чувство Родины, равенство условий и доходов, и их замена ориентациями либерального характера, ориентациями индивидуалистическими — комфорт для себя и своей семьи, нежелание жить, как все, наоборот, стремление быть яркой индивидуальностью» (Зубок, Яковук, 2008: 148).

Особенно остро она проявляется в провинциальных регионах¹, где в полном соответствии с концепцией М. Мид наиболее конфликтогенными факторами во взаимоотношениях поколений становятся не возрастные, а социальные: статусно-иерархические, определяющиеся различием в статусах — экономических, социально-экономических, политических, и социокультурные, связанные с радикальным несовпадением ценностей и норм (Мид, 1988). Именно такое несовпадение возникает в случаях, когда общество испытывает сильные потрясения и резко меняет вектор развития, и социализация разных поколений происходит в совершенно различных условиях.

Мы далеки от того, чтобы преувеличивать степень распространения межпоколенческих конфликтов в региональном социальном пространстве. Здесь они носят (по меньшей мере, в настоящее время) преимущественно латентный характер, как и большинство социальных конфликтов. По меньшей мере, если рассматривать региональное социальное пространство в целом. Но межпоколенческие конфликты, в том числе и в их латентном виде, выступают существенным элементом конфликтного потенциала регионального сообщества, по определению Е. В. Комиссаровой, и их следует рассматривать как сложную интегральную характеристику. В ней, по мнению автора, отражена готовность представителей групп к участию в собственно социальном конфликте, в любой его разновидности. Возникшая социальная напряженность способствует накоплению конфликтного потенциала и является необходимым условием такого накопления (Комиссарова, 2007: 51).

Существенным элементом конфликтного потенциала регионального сообщества являются и напряженности, возникающие в самой молодежной среде, характеризующейся высокой степенью субкультурной дифференциации. Молодежные субкульту-

ры, как отмечает Т. И. Морозова, создают для объединения молодых людей комплиментарный ценностно-смысловой и коммуникационный фон, выступая в качестве существенной предпосылки самоорганизационных процессов и, одновременно, наиболее приемлемой формы их реализации. По ее мнению, не институциональные, но именно субкультурные формы самоорганизации являются в настоящее время наиболее востребованными современной молодежью (Морозова, 2012: 60). Но, поскольку многие молодежные субкультуры характеризуются противоположными ценностно-нормативными основаниями и, соответственно, противоположными социокодами поведения их носителей, субкультурное взаимодействие становится источником напряженности и конфликтов.

Таким образом, молодежь в современном российском регионе в силу комплекса объективных и субъективных обстоятельств постоянно вовлечена в открытые или скрытые конфликтные взаимодействия, что само по себе не является поводом для однозначно негативных выводов и следствий. В данном случае мы разделяем вывод Л. Козера, который вслед за Р. Дарендорфом подчеркивал, что «конфликт не всегда дисфункционален для отношений, внутри которых он происходит; часто конфликт необходим для достижения связей внутри системы» (Coser, 1964: 48; цит. по: Лурье, 2004: 201).

КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФЛЕКСИВНОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СОЗНАНИЯ

Проблема, на наш взгляд, не в том, что положение молодежи в регионах потенциально конфликтно, но в том, что, во-первых, как уже отмечалось выше, конфликты в сложившейся ситуации вытеснены исключительно на уровень микросреды, в то время как источники многих из них находятся не на данном уровне. Кроме того, на уровне микросреды в большинстве российских регионов, как правило, нет необходимых ресурсов для их радикального решения. А молодежь в силу своих социально-психологических особенностей настроена именно на такие решения. Во-вторых, молодые люди в своем абсолютном большинстве не обладают навыками разрешения конфликтных ситуаций и — что еще более существенно — недостаточно рефлексивны для применения подобных технологий. М. А. Набережная обоснованно пишет: «Неразвитая рефлексивная культура является одной из причин духовной деформации молодежи, поскольку любые кризисные явления в обществе и их влияние на духовный мир, прежде всего, опосредуются его субъективным восприятием. Прежние ценности и традиции отрицаются, а выработка новых происходит хаотично, бессистемно и лавинообразно. Новые социальные реалии, вызванные трансформацией (модернизацией, изменением) практически всех векторов ценностно-нормативного пространства, вместе с неразвитой рефлексивной культурой привели к нарушению, а иногда и к разрыву социальной коммуникации между старшим и молодым поколением» (Молодежь российского региона ... , 2007: 195). Она подчеркивает, что нерелексивность сознания, воплощающаяся в формуле «Я делаю все то, что делают другие, верю во все то, во что верят другие, думаю то, что думают другие», стимулировала «оранжевые» революции, межнациональные конфликты, ксенофобию (там же).

В тех случаях, когда рефлексия все же имеет место, она все чаще связана с определением эталонов оценки в самих себе. И эта установка, тесно связанная с распространением влияния виртуальной реальности, превращается в культурную норму.

Утверждается особый тип молодежной трансгрессивности, специфика которой, по мнению Ю. А. Зубок и Т. И. Яковук, заключается в том, что она выражается в системе установок молодежи на перенесение распространенных в обществе образцов «в свою жизнь, что обусловлено отсутствием устойчивых императивов в обществе, девальвацией провозглашаемых ценностно-нормативных образцов и социального опыта» (Зубок, Яковук, 2008: 43).

Допустимо напомнить, что рефлексия является необходимым атрибутом социальности в ее веберовском понимании. Следует иметь в виду, что М. Вебер рассматривал способность учитывать реакцию окружения как важнейшую характеристику социального действия, т. е. действия, в первую очередь рационального (Вебер, 1990: 511).

В этом смысле современная российская молодежь становится все менее социальной, что, возможно, в какой-то мере объясняет нередко звериную жестокость разрешения межличностных конфликтов в ее среде.

КОНФЛИКТНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ

Несомненно, агрессия и жестокость не определяют поведение большей части молодежи в регионах. Однако анализ результатов различных исследований показывает, что отношение молодых людей к окружающим, по меньшей мере, не улучшается, а скорее ухудшается. В частности, исследование Т. И. Морозовой в 2008 г., проведенное в Белгородской, Воронежской и Курской областях в два этапа, включавшее массовый опрос молодежи (выборка — 1119 чел.), выявило, что дружелюбие к окружающим чаще всего испытывали 65,86% респондентов. Остальные чувства, в том числе и негативные, регистрировались значительно реже: равнодушие — 15,29%, сочувствие — 4,44%, враждебность — 1,86%, зависть — 0,57%. В ходе другого исследования Т. И. Морозовой, проведенного в 2012 г. там же (выборка — 1496 чел.), уже только 50,60% молодых людей заявили о своем дружелюбии к согражданам; о равнодушии — 14,17%, о сочувствии — 6,62%, о враждебности — 5,61%, о зависти — 4,95%.

Исследование, проведенное А. Э. Ушамирским в Белгородской и Волгоградской областях в 2014 г. (выборка — 1500 чел.), выявило, что для большинства молодых людей характерна относительно низкая частота участия в конфликтах с большинством референтов. В частности, в конфликтах с соседями, по их мнению, практически ежедневно участвуют 6% респондентов, один-два раза в месяц — 12%; с коллегами по работе соответственно 7% и 19%; с руководителями — 7% и 14%; с посторонними людьми — 5% и 15%; с представителями власти — 4% и 6%; с работниками правоохранительных органов — 4% и 6%. Исключение составляют конфликты со сверстниками (10% и 36%) и особенно с родителями и родственниками, т. е. с самими, казалось бы, близкими людьми, в ходе взаимодействия с которыми преимущественно формируется социальный капитал личности.

Ситуация только на первый взгляд представляется парадоксальной. По нашему мнению, она имеет вполне понятные объяснения. Относительная редкость конфликтов за пределами круга сверстников и особенно семейно-родственной среды связана с тем, что большая часть молодежи сознательно или неосознанно сокращает контакты с референтами, если только они не обусловлены профессиональной деятельностью, в том числе учебной. Происходит то, что в свое время мы определили как атомизацию молодежи, понимая под этим сосредоточенность сознания молодого человека на узкоэгоистических, максимально упрощенных интересах, акцент в жизне-

деятельности на утилитарные стереотипные практики, и как следствие — сведение межличностных контактов к чисто формальным взаимоотношениям и связям. Атомизация в качестве необходимой предпосылки предполагает упрощение, примитивизацию поведенческих реакций. Сознание и поведение молодых людей отныне становятся не просто утилитарно-практическими, а если использовать терминологию эпохи современных информационно-компьютерных технологий, отформатированными по одному образцу (Бабинцев, Реутов, 2010: 109).

Одним из следствий такого упрощения является стремление избегать конфликтов в ситуациях, когда непосредственно не затронуты личные жизненные потребности молодого человека. А особенно в тех случаях, когда дело касается отвлеченных (по его мнению) понятий, таких, например, как общественный интерес, социальный порядок, общественный прогресс, общественные обязанности, ответственность. В этом случае позиция большей части молодых людей довольно точно определяется сленговой формулой «все фиолетово». Следовательно, нет смысла вступать в противоборство с теми, кто занимает и отстаивает противоположные убеждениям субъекта взгляды.

Диспозиция радикально меняется лишь применительно к относительно узкому социальному пространству, ограниченному семьей и сверстниками. Здесь убеждения приобретают атрибут ценности и становятся значимыми для того, чтобы за них бороться.

При этом главными источниками конфликтов, по мнению респондентов, высказанному в ходе проведенного А. Э. Ушамирским исследования, становятся: противоположность убеждений (46%); борьба за справедливость (40%); защита прав личности (32%). Заметно реже конфликты возникают по поводу распределения ресурсов (19%); распределения ролей (19%); отстаивания идеалов (18%); защиты слабых (17%); защиты чести и достоинства (11%).

Таким образом, если опираться на полученные данные, то становится очевидным, что большинство конфликтов, в которые включена молодежь, носит социокультурный характер. Но, как правило, такие конфликты ограничиваются семейно-родственным и соседским окружением. Именно здесь реализуется конфликтный потенциал молодежи, что, с одной стороны, может оцениваться весьма позитивно, поскольку микросоциальные конфликты существенно не угрожают стабильности социума в целом. Но с другой стороны, конфликты на этом уровне далеко не всегда способны вести к решению проблем. Тем более тех, причины которых затрагивают некоторые фундаментальные устои общества. Молодые люди в конкретной ситуации могут не представлять себе зависимость вопросов, по которым они вступают в противоборство с окружающими, от хода развития макросоциальных процессов. Но неполное решение личных жизненных проблем в перспективе способно привести к глубоким социальным кризисам, значительно более разрушительным, чем негативные последствия локальных конфликтов.

Однако подобную возможность нельзя переоценивать, поскольку современная молодежь в российских регионах в конфликтах ориентирована на стратегию достижения компромисса. Согласно данным исследования А. Э. Ушамирского, признавая конфликты в целом нормальным явлением (только 25% опрошенных молодых людей считают их нежелательными), 49% в ходе конфликта предпочитают договариваться с оппонентами. Только 24% готовы любой ценой добиваться своего; 11% предпочитают стратегию уступок.

Следовательно, молодежь в основной своей массе не склонна к радикальным решениям. Однако она способна быть весьма последовательной и, как полагают ее представители, успешной в отстаивании своих интересов. В ходе исследования А. Э. Ушамирского (2014 г.) 61% молодых людей заявили, что им обычно удастся достичь в конфликтах желаемых результатов. При этом молодые люди обычно не склонны прибегать к чьей-либо помощи; 46% участников опроса в конфликтных ситуациях старались отстоять свои интересы сами. И только 24% обращались к помощи друзей и знакомых. Примечательно, что уверенность в себе рассматривают в качестве главного средства защиты личных прав в конфликте 59% респондентов.

Поведение молодых людей в ходе конфликта является вполне адекватным доминирующим в их среде индивидуалистическим и одновременно прагматическим установкам, что неоднократно отмечалось в научной литературе. Распространение индивидуализма и прагматизма вполне логично ведет к «акцентированию ориентации преимущественно на собственные силы... пониманию личных достижений как результата собственных усилий» (Петров, 2006: 129).

В свое время А. И. Шендрик дал весьма примечательную характеристику современному молодому человеку: «В моральном плане он сдержанно агрессивен. Ему свойственна определенная доля жестокости, которая, с его точки зрения, является вполне оправданной, ибо он твердо уверовал в то, что “человек человеку — волк” и что каждая оказываемая ему услуга или одолжение определяется интересом того человека, который ее оказывает. Он не верит, что добрые дела делаются бескорыстно, в силу морального долга, веления совести. Последняя для него является абстракцией. Он предпочитает говорить о порядочности, которую понимает как пунктуальность взятых на себя обязательств, но при условии, что ему будут платить той же “монетой”. При решении возникающих проблем он рассчитывает только на себя, считая, что большинство людей занято только собой и надеяться на их помощь — значит быть утопистом» (Шендрик, 1994: 55).

В сущности, эта характеристика с большей или меньшей точностью подтверждается в настоящее время. В том числе и на основе анализа стратегий молодых в конфликтах, в ходе которых они предпочитают ориентироваться на личные ресурсы, зачастую скептически оценивая возможности внешней поддержки. Такая позиция стимулируется и дефицитом веры в то, что существующие социальные институты способны подобную поддержку оказать, а сложившиеся общественные условия благоприятны для продуктивного разрешения конфликтов.

Показательно в данной связи, что только половина молодых людей — в ходе исследования А. Э. Ушамирского — убеждена: в нашей стране «простой человек» может законными способами защитить свои права. При этом 28% выбрали вариант «скорее да, чем нет», 22% — «однозначно да».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, отказывая обществу в способности защитить «простого человека», молодые люди по-своему оправдывают преобладающую в их среде установку почти исключительно на собственные силы, что весьма пагубно влияет на перспективы наращивания индивидуального социального капитала, который представляет собой основанный на доверии ресурс личных связей. И то же время в такой позиции содержится значительный импульс для саморазвития и самоутверждения в противовес доминировавшей в среде старшего поколения патерналистской традиции. Одним

из следствий этой традиции была тенденция к постоянному расширению пространства социального конфликта путем апелляции к большому числу контрагентов. В результате многие локальные конфликты принимали гипертрофированный характер. А установка на постоянно конфронтацию легитимировалась и героизировалась молодежной субкультурой.

В настоящее время, вероятно, возникает возможность переломить эту традицию, превратив практику регулирования и разрешения конфликтов в довольно рутинную процедуру. Однако сделать это можно лишь в том случае, если уверенность молодых людей в собственных возможностях будет дополняться социально-технологической компетентностью.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Определение «провинциальный» в данном случае указывает не на отсталость или «ущербность» региона (субъекта РФ), но на присущую ему социокультурную специфику по отношению к регионам столичным. Ядром этой специфики является, как правило, традиционно-символический капитал коренного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабинцев, В. П., Реутов, Е. В. (2010) Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. №1. С. 109–115.

Бабочкин, П. И. (1997) Отцы и дети: согласие или разногласия // Молодежь 97: надежды и разочарования. М. : Социум. 338 с. С. 37–46.

Вебер, М. (1990) Избр. произв. : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс. 808 с.

Зубок, Ю. А., Яковук, Т. И. (2008) Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе / науч. ред. В. Сломский. Брест : Альтернатива. 204 с.

Комиссарова, Е. В. (2007) Социальный конфликт в региональном социуме: условия возникновения и способы разрешения : дис. ... канд. социол. наук. Пенза. 164 с.

Лисовский, В. Т. (2005) О молодежи и молодежной политике : в 2 т. / под общ. ред. А. А. Козлова. СПб. : Химиздат. Т. 1. 312 с.

Лурье, С. В. (2004) Историческая этнология : учеб. пособие для вузов. М. : Академический проект ; Гаудеамус. 624 с.

Мид, М. (1988) Культура и мир детства : избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева ; сост. и послесл. И. С. Кона. М. : Наука. 429 с.

Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии (2007) / отв. ред. В. П. Бабинцев. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та. 276 с.

Морозова, Т. И. (2012) Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона : дис. ... д-ра социол. наук. Белгород. 459 с.

Петров, А. В. (2006) Социальные практики молодежи: механизмы структурирования и идентификации // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. №3. С. 123–134.

Шендрик, А. И. (1994) Коллизии ценностного сознания российской молодежи в постперестроечный период // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции : по материалам Междунар. науч. конф. «Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции», Москва, Ин-т молодежи, 24–26 ноября 1993 г. / редкол. : И. М. Ильинский и др. ; отв. ред. В. К. Криворученко, В. В. Долгов. М. : Социум. 172 с. С. 51–59.

Coser, L. (1964) The function of social conflict. N. Y. : The Free Press ; L. : Collier-Macmillan. 188 p.

Дата поступления: 25.08.2015 г.

YOUTH AS A SUBJECT OF REGIONAL CONFLICTS

V. P. BABINTSEV

(BELGOROD STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY),

G. F. USHAMIRSKAYA, A. E. USHAMIRSKII

(VOLGA INSTITUTE OF ECONOMICS, PEDAGOGY AND LAW)

The article identifies and examines the features of contemporary Russian youth as a subject of regional conflicts. We argue that youth at the regional level is in the position of potential conflict, but the conflicts it typically participates in are almost always happening in their micro-environment. In the majority of Russia's constituent regions, youth lifestyles (in contrast to those in Moscow) show relatively high dependence on reference groups, primarily on families.

A study conducted by one of the co-authors in 2014 in Belgorod and Volgograd oblasts (making use of the method of multi-stage quota sampling, $n = 1500$), found that the majority of young people typically show low frequency of involvement in conflicts with most of their referents (no more than 12% of respondents are permanently in conflict, with the notable exception of conflicts with their peers (10% and 36%) and with parents and relatives (19% and 31%), Also typical is the desire to avoid conflicts whenever the respondent's vital needs are not affected directly (50% of young people prefer to work out a deal rather than enter conflict, and about 10% usually avoid open confrontation).

An analysis of these outcomes, as well as those achieved by other researchers, shows that young people in general are not inclined to radical solutions. However, they can consistently and successfully pursue their private interests. Their prevailing conflict strategy is to focus on personal resources, while staying skeptical of external support. This stance is additionally encouraged by the wide mistrust of social institutions as a potential source of such support, and by disbelief that social conditions in the Russian Federation can actually favor productive means of conflict resolution.

We thus conclude that by denying the regional community's capacity to protect 'the common man', young people justify their trust only in their own efforts. This, in its turn, negatively affects the prospects of building individual social capital — a trust-based network of personal connections. Our study gives us sufficient ground to assume that in the regions it was conducted in, youth consolidation remains questionable because of a crisis of trust at the micro-level, rather than due to a lack of unifying ideas.

Keywords: youth; sociology of youth; youth in Russia; regional conflict; atomization of youth; socialization

REFERENCES

Babintsev, V. P. and Reutov, E. V. (2010) Samoorganizatsiia i «atomiza-tsiia» molodezhi kak aktu-al'nye formy sotsiokul'turnoi refleksii [Self-organization and "atomization" of youth as contemporary forms of sociocultural reflection]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 109–115. (In Russ.).

Babochkin, P. I. (1997) Ottsy i deti: soglasie ili raznoglasia [Fathers and children: Accord or discord?]. In: *Molodezh' 97: nadezhdy i razocharovaniia*. [Youth '97: Hopes and disappointments]. Moscow, Sotsium Publ. 338 p. Pp. 37–46. (In Russ.).

Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works] : transl. from German / comp., ed. and afterword by Yu. N. Davydov ; foreword by P. P. Gaidenko. Moscow, Progress Publ. 808 p. (In Russ.).

Zubok, Yu. A. and Yakovuk, T. I. (2008) *Dukhovnaia zhizn' molodezhi v transformiruiushchem-sia obschestve* [Youth's psyche in a transforming society] / ed. by W. Slomsky. Brest, Alternativa Publ. 204 p. (In Russ.).

Komissarova, E. V. (2007) *Sotsial'nyi konflikt v regional'nom sotsiume: usloviia vzniknoveniia i sposoby razresheniia* [Regional social conflicts: Preconditions and resolution strategies] : Diss. ... Candidate of Sociology. Penza. 164 p. (In Russ.).

Lisovskii, V. T. (2005) *O molodezhi i molodezhnoi politike* [On youth and youth policy] : in 2 vols. / ed. by A. A. Kozlov. St. Petersburg, Khimizdat Publ. Vol. 1. 312 p. (In Russ.).

Lurie, S. V. (2004) *Istoricheskaiia etnologiiia* [Historical ethnology] : A study guide for tertiary institutions. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. ; Gaudeamus Publ. 624 p. (In Russ.).

Mead, M. (1988) *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood] : Selected works / transl. from English and comment. by Yu. A. Aseev ; comp. and afterword by I. S. Kon. Moscow, Nauka Publ. 429 p. (In Russ.).

Molodezh' rossiiskogo regiona: dukbovnye miry i zbiznennye strategii [Youth in a region of Russia: Moral worlds and life strategies] (2007) / ed. by V. P. Babintsev. Belgorod, Belgorod State University Publ. 276 p. (In Russ.).

Morozova, T. I. (2012) *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona* [Regulating youth self-organization within the sociocultural space of a region] : Diss. ... Doctor of Sociology. Belgorod. 459 p. (In Russ.).

Petrov, A. V. (2006) Sotsial'nye praktiki molodezhi: mekhanizmy strukturirovaniia i identifikatsii [Social practices of youth: Mechanisms of structuring and identification]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*, no. 3, pp. 123–134. (In Russ.).

Shendrik, A. I. (1994) Kollizii tsennostnogo soznaniia rossiiskoi molodezhi v postperestroechnyi period [Conflicts in the value consciousness of youth of post-perestroika Russia]. In: *Tsennostnyi mir sovremennoi molodezhi: na puti k mirovoi integratsii* [The value world of contemporary youth: On the way to global integration] : Based on the proceedings of the International conference "The Value World of Contemporary Youth: On the Way to Global Integration", Moscow, Institute of Youth, November 24–26, 1993 / editorial board: I. M. Ilinskiy et al. ; ed. by V. K. Krivoruchenko and V. V. Dolgov. Moscow, Sotsium Publ. 172 p. Pp. 51–59. (In Russ.).

Coser, L. (1964) *The function of social conflict*. New York : The Free Press ; London : Collier-Macmillan. 188 p.

Submission date: 25.08.2015.

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета. Адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. Тел.: +7 (4722) 35-38-77. Эл. адрес: babintsev@bsu.edu.ru

Ушамирская Галина Федоровна — доктор социологических наук, профессор, ректор Волжского института экономики, педагогики и права. Адрес: 404111, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Советская, д. 6. Тел.: +7 (8443) 41-12-02. Эл. адрес: rector@viepp.ru

Ушамирский Алексей Эдуардович — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Волжского института экономики, педагогики и права. Адрес: 404111, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Советская, д. 6. Тел.: +7 (8443) 41-12-02. Эл. адрес: rector@viepp.ru

Babintsev Valentin Pavlovich, Doctor of Philosophy, Professor and Chair, Department of Social Technologies, Institute of Public Administration, Belgorod State National Research University. Postal address: 85 Pobedy St., 308015 Belgorod, Russian Federation. Tel./fax: +7 (4722) 35-38-77. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Ushamirskaya Galina Fedorovna, Doctor of Sociology, Professor and Rector, Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law. Postal address: 6 Sovetskaya St., 404111 Volzhsky, Volgograd Oblast, Russian Federation. Tel./fax: +7 (8443) 41-12-02. E-mail: rector@viepp.ru

Ushamirskii Aleksei Eduardovich, Candidate of Law, Associate Professor and Dean, Faculty of Law, Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law. Postal address: 6 Sovetskaya St., 404111 Volzhsky, Volgograd Oblast, Russian Federation. Tel./fax: +7 (8443) 41-12-02. E-mail: rector@viepp.ru